

Семь дней подряд я всматривался в то, как Цзи Минчэнь выпивает целебные снадобья, не отходя от него ни на шаг.

К счастью, силы постепенно возвращались к нему. Сперва он приходил в себя лишь ненадолго, едва на полчаса, но со временем стал принимать пищу и даже садиться на постели.

Однако, хоть приступы слабости отступали всё чаще, говорил он мало. По-прежнему хранил молчание, лишь провожая меня внимательным, неотрывным взглядом. Точно так же, как я сам некогда не мог оторвать от него глаз, он всматривался в меня долгими часами.

Я знал: в его душе таится неисчислимое множество слов. Не произнесёт их сейчас — непременно скажет позже, время у нас ещё будет. Огорчало меня лишь одно: пока он смотрел на меня, я сам не смел взглянуть на него.

А ведь раньше самым любимым моим занятием было часами разглядывать его черты. Теперь же, лишившись этой радости, я был вынужден с важным видом делать вид, будто увлечён книжкой с картинками.

Но какая уж тут книжка! Под этим неотрывным взором мои щёки и уши, должно быть, полыхали алым огнём, и ему это давно было видно. А мне оставалось только притворяться и дальше.

Сколько прошло времени, я не знал, но в какой-то миг тяжесть его взгляда исчезла. Прикрыв лицо книгой, я слегка отодвинул уголок переплёта и украдкой взглянул на него.

Цзи Минчэнь заснул. Грудь его ровно и спокойно поднималась и опускалась.

Отложив книжку, я на цыпочках подошёл к кровати и присел рядом. Я смотрел на его лицо, затаив дыхание, а сердце разрывалось от нежности и смущения.

— Небожитель, — совсем тихо прошептал я, — ты так на меня смотришь, что я со страху совсем растеряюсь.

Спал он теперь чутко — силы постепенно возвращались к нему, и прежней беззаботной свободы обнять его или поцеловать у меня уже не было. Я с досадой разглядывал его длинные ресницы и тонкие губы. Прикоснуться бы к ним снова... Но что, если он проснётся?

Я сокрушённо вздохнул, чувствуя себя человеком, много изведавшим на своём веку.

Как только он смог подниматься с постели, я решил навестить дворец. Но уже у самого порога

замялся и замер. В тот злополучный день я отлучился всего на время, за которое едва успела бы завариться чашка чая, а вернулся к холодному, едва дышавшему телу.

Я обернулся.

Цзи Минчэнь теперь любил сидеть у окна, подставляя лицо ласковым лучам. Полуденный солнечный свет окутывал его теплом, скрадывая болезненную бледность; прекрасные черты казались ещё более величественными, словно у сошедшего на землю небожителя.

Словно угадав мои тревоги, он повернул голову и мягко произнёс:

— Я буду ждать тебя.

И на душе у меня мгновенно стало спокойно.

Когда я прошлый раз был во дворце, стояла лишь ранняя осень. Прошло почти два месяца, и вот наступил глубокий листопад: клёны полыхали багрянцем, а сухие метёлки камыша побледнели добела.

Порыв сырого ветра заставил меня вздрогнуть. Я плотнее запахнул плащ. Перед выходом Дунцзы накинул на меня тёплую, подбитую мехом накидку и сунул в руки крошечную жаровню для рукава; тогда я решил, что он попусту суетится. Теперь же пришлось признать его правоту.

Дунцзы поправил оторочку из лисьего меха, закрывая мою шею от пронизывающего холода, и с лёгкой улыбкой заметил:

— Слуга ведь говорил, что на улице морозно, да Ваше Высочество слушать не желали.

Я устремил взгляд на дальние холмы, покрытые алой, словно пылающие облака, листвой. Красота была невиданная, и сердце моё вновь отозвалось тоской по нему.

— Я обязательно привезу его сюда, — тихо проговорил я. — Показать ему эти клёны.

Дунцзы вздохнул:

— Вашему Высочеству лучше бы сперва подумать о том, как выдержать гневливый взор Его Величества.

Когда я вошёл в Зал Усердного Правления, отец-император принимал сановников. Он смерил меня равнодушным, тяжёлым взглядом — ни предложения присесть, ни горячего чая, ни моих любимых зелёных пирожных с машем. Я смиренно отошёл в сторону и остался стоять.

Прошёл целый час, прежде чем последний из министров отбыл. От долгого стояния ноги мои начали слегка подрагивать, и я крепче сжал края рукавов.

— На колени, — раздался ледяной, сдерживающий ярость голос отца.

Я опустился на холодный плиточный пол. От этого прикосновения меня передёрнуло.

— Понимаешь ли ты свою вину?

Я сжал губы и не проронил ни слова.

Вскоре передо мной остановились сапоги из чёрного шёлка с золотым шитьём драконов. Сверху обрушился громоподобный, исходивший гневом голос отца-императора:

— Так ты не сознаёшь вины?!

— Моей вины тут нет, — ответил я.

— Хорошо! Очень хорошо! — отчеканил он.

Отец стремительно вернулся к столу, подхватил фарфоровую пиалу с чаем и с силой грохнул её о камни. Вокруг меня со звоном разлетелись острые осколки.

— Коли сам не понимаешь, я тебе по пунктам разъясню! — тяжело дыша, гремел отец. — На государственном пиру ты порывался вскочить с места! Не удержи тебя Великий учёный Гао, ты бы прямо при всех побежал вслед за тем человеком?! И ты утверждаешь, что не виновен?! После пира, забыв о собственном достоинстве, ты нёсся во весь опор по дворцовым переходам и в беседке мешал страже исполнять указ! И в этом ты не виновен?! В Палате государственного этикета дерзил чиновникам, проявил неуважение к старшим братьям, Наследнику и Второму принцу!

Грудь его ходила ходуном от гнева. Переведя дух, он ткнул в меня дрожащим пальцем:

— Забыл о сани! Спал под одной кровлей, на одной постели с вражеским заложником! Из детского упрямства помыкал главой Палаты государственного этикета! Ни гордости, ни стыда, ни рассудка! И ты смеешь твердить, что не виновен?!

— Два месяца ты не появлялся во дворце с изъявлением почтения! Матушка-императрица молчит, но душа её изболелась о тебе изо дня в день! Чем ты платишь за её материнскую заботу и воспитание?! Где твоя сыновняя почтительность?! Неужто и тут нет твоей вины?!

Горячие слёзы подступили к глазам и скользнули по щекам.

— На пиру я остался на месте, — тихо пробормотал я. — А стражник проявил ко мне неуважение, и я наказал его. В этом я прав.

Отец явно не ожидал от меня возражений. На мгновение в зале воцарилась тишина, после чего он желчно ухмыльнулся:

— Допустим, тут ты оправдаешься. А в остальном?! Неужто во всём прочем ты чист?!

За исключением этих двух случаев, во всём остальном я действительно был виноват. Однако, окажись я снова перед таким выбором, я поступил бы точно так же.

— У него никого нет, кроме меня, — проговорил я.

— У вас, отец-император, есть пятеро сыновей, — медленно, вытягивая каждое слово из глубины души, начал я. — У вас есть придворные, есть Восемнадцать округов, вся поднебесная держава. У матушки-императрицы есть Чу Янь, есть полк слуг и вся неограниченная власть в Заднем дворе. А у него... у него нет ничего. У него остался только я.

Я словно заклинал сам себя, повторив ещё тише:

— У него совсем ничего нет. Только я.

Колени давно затекли и перестали ощущаться. Лишь колющий ледяной холод с плиточного пола проникал всё глубже в кости, заставляя меня мелко дрожать. Я опёрся руками о каменные плиты.

Тяжёлое молчание повисло под сводами зала.

— Встань, — проговорил отец.

Я не поднялся. Вместо этого я склонился до самого пола, совершая глубокий, низжайший поклон.

Голос отца-императора, успевший вроде бы остыть, вновь вспыхнул гневом:

— Что всё это значит?!

— Молю Его Величество проявить милосердие, — отчеканил я. — Позвольте мне забрать его в свои покои и назвать моей законной супругой.

— И не подумаю! — отрезал отец. — Ты забыл? Два месяца назад ты точно так же просил отдать тебе Сюй Цинцзэ!

— Это совсем иное, — тихо возразил я.

— И в чём же разница?!

Разница была столь велика и сложна, что высказать её сразу я бы не сумел.

Отец лишь холодно усмехнулся:

— Желаешь кланяться полам — что ж, кайся дальше!

Свистнули шёлковые полы его халата, и он удалился.

Ледяная студень плит ползла выше. Жар в жаровнях давно угас, да и малый ручной очаг, сунутый мне Дунцзы, остыл до дна. Онемение сковало всё тело. Колени ломило так, будто их раздробили — наверняка там уже темнели налитые кровью синяки. Рождённый в неге и роскоши, я не привык даже долго стоять, а родители с малых лет избавили меня от земных поклонов. Нынче я впервые в жизни провёл на коленях столько времени.

И всё же я не поднялся.

Солнце клонилось к западу; багровые лучи заката упали на меня, но тепла не принесли.

Сколько прошло времени, я не ведал. Внезапно на плечи мои опустилась тяжёлая, тёплая епанча. Обернувшись с трудом, я увидел покрасневшие глаза Чу Яня.

Он бережно оправил на мне край ткани и, глотая слёзы, прошептал:

— Старший и Второй братья уже отправились к отцу с мольбами за тебя.

Он вздохнул:

— Брат, ну зачём ты так измываешься над собой?..

Я медленно моргнул и с усилием выдавил из себя тень улыбки:

— Спасибо вам.

Чу Шао опустился рядом со мной с другой стороны. В руках он держал поднос с дышавшими паром яствами:

— Брат, поешь хоть немного.

Я качнул головой — кусок в горло не лез.

— Если пропустишь время приёма пищи, у тебя снова прихватит желудок, — убеждал он. — Ну хоть пару кусочков!

Его слова привели меня в чувство. Дело ещё не кончено; мне нельзя немощствовать, я не имею права сойти с дистанции.

Я сжевал несколько кусочков. Это были мои любимые пирожные из маша, но вкус их казался совершенно пресным.

Сумерки сгустились, зал погрузился во мрак; не горело ни единой свечи.

— Уходите, — попросил я братьев. — Не гневите отца.

Они упрямылись, но я стоял на своём, и им пришлось уйти.

Наступила глухая ночь.

Я зажмурился, вслушиваясь в завывание ветра за стенами. В этом году зима дышала в лицо особым, сиверским холодом. Изредка доносились одинокие, тоскливые крики ночных птиц, разрывавшие тьму.

Бессвязные мысли — удивительная вещь. Мне казалось, что я давно рухнул на плиты и лишился чувств, но, очнувшись от забытья, я обнаруживал, что всё так же прямо держу спину. Я думал о матушке-императрице: прилась ли ей по душе та орхидея, что я поднёс? Отец, верно, не ожидал от меня такой нерушимой упёртости. Сяфэн уехал на гору Духов и скоро возвратится в столицу; там, среди обильных трав и вод, должно быть, куда теплее, чем в

Императорской столице...

Но чаще всего мысли возвращались к Цзи Минчэню. Сидит ли он всё так же у окна, ждёт ли? Не тревожится ли, что меня так долго нет? Он ведь пошёл на поправку, пора кликать лекарей, чтобы вывести яд...

Мысли кружили, перелетая из Палаты государственного этикета в мои княжеские покои, а оттуда — на далёкий хребет, где ветви клёнов полыхали кровавым пламенем.

— Встань.

Я не шелохнулся — точнее, не сумел.

Голос повторился, наполнившись нетерпимой властью:

— Встань!

Значит, не чудилось. Я с великим трудом запрокинул голову и увидел исполненное величия лицо матушки-императрицы.

Её повелительный тон заставлял повиноваться бездумно. Я дёрнулся, но тело окончательно зачленело, превратившись в ледяную глыбу; каждое движение отзывалось дикой болью.

Дворцовая служанка потянулась было подхватить меня под локти, но матушка властно остановила её:

— Оставь. Пусть встанет сам. Ему пора научиться подниматься без посторонней помощи.

Эти слова словно вдохнули в меня новые силы. Я поднялся.

Уголки глаз матушки покраснели — видимо, она только что плакала. Сердце моё сжалось от жалости, и я тихо позвал:

— Матушка...

В её глазах блеснула слеза, но она мгновенно овладела собой. Вглядываясь в моё лицо, она спросила:

— Ты понимаешь, что такое власть?

Разумеется, я знал. Власть позволяет вершить дела. Отец-император — владыка Поднебесной, обладатель наибольшей власти, и потому ему подвластно всё. Но я не мог взять в толк, к чему она завела этот разговор.

Она ответила сама:

— Власть даёт то, чего ты желаешь. Коли власти у тебя нет, остаётся лишь вымаливать подачки у других, отдавая свою судьбу в чужие руки.

Я ошеломлённо смотрел на неё. Теперь я понял, к чему велись эти речи.

— В сегодняшнем деле я помогу тебе, — продолжала матушка. — Но ты должен дать мне обещание: отныне ты станешь бороться сам. Начнёшь ходить на государственные советы, сблизись с сановниками, выйдешь из тени, чтобы все увидели тебя.

— Но ведь я... глупец, — пролепетал я.

— Ты — мой сын, — мягко проговорила она. — Покуда ты сам не назовёшь себя дураком, кто посмеет бросить тебе это в лицо?

Мне не хотелось соглашаться. Я не желал ходить на императорские аудиенции и уж тем более знаться с вельможами. Один лишь глава Палаты государственного этикета привёл меня в замешательство — как же я смогу сладить с целым сонмом сановников?!

Но матушка смотрела на меня с такой затаённой нежностью и смутной мольбой, словно в одном мне заключалась вся надежда её остатка дней. К тому же она обещала посодействовать сегодня.

И я дал согласие.

В глазах матушки-императрицы вспыхнул восторженный блеск.

— Идём к твоему отцу, — произнесла она.

Я покорно пошёл следом, но у самого выхода она внезапно остановилась и обернулась:

— Ты твёрдо решил? Тебе нужен именно он?

Два месяца назад, когда я глубокой ночью ворвался в императорские покои, умоляя об указе,

отец задал мне тот же вопрос.

— Да, — твёрдо ответил я.

— Почему? — спросила матушка.

Сегодня и отец спросил: «В чём же разница?». Тогда я не сумел ответить, но за долгие часы, проведённые на коленях, смысл наконец открылся мне.

— Расцвёл весь сад персиковых деревьев.

Матушка с замешательством взглянула на меня.

— В детстве, когда я играл с компаньонами, они обижали меня и кидали камешками, — тихо и неспешно заговорил я. — Я убегал в слезах и долго бродил один. Случайно я забрёл в Императорский сад. Утирая слёзы, я поднял глаза — и увидел пышное цветущее море персиковых деревьев. И плакать расхотелось. В ту секунду мне казалось, что я могу простить весь мир.

Я сделал паузу и добавил:

— Каждый раз, когда я смотрю на него, я словно возвращаюсь в тот день. Стоит мне поднять взор — и перед глазами расцветает персиковый сад.

Взгляд матушки-императрицы затеплился глубоким, понимающим светом. Видимо, ей самой довелось изведать подобное.

— Но ведь цветущие лепестки опадают, — тихо молвила она.

— Покуда он рядом со мной, весна не кончится никогда, — ответил я.

<http://bllate.org/book/20619/2131070>